

Дёмин Илья Вячеславович

ИДЕЯ "КОНЦА ИСТОРИИ" В ПОСТМЕТАФИЗИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Выявляются и анализируются основные философские смыслы идеи "конца истории" в классической и неклассической (постметафизической) философии истории. Если в контексте классической метафизики "конец истории" означает завершение события "всемирной истории", то в неклассической историософии под "концом истории" понимается отказ от линейного видения истории и пересмотр принципов детерминизма и телеологизма в истолковании человека, общества и культуры.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/5-3/11.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 5 (43): в 3-х ч. Ч. III. С. 48-50. ISSN 1997-292X

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.htm

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/5-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 124

Философские науки

Выявляются и анализируются основные философские смыслы идеи «конца истории» в классической и неклассической (постметафизической) философии истории. Если в контексте классической метафизики «конец истории» означает завершение события «всемирной истории», то в неклассической историософии под «концом истории» понимается отказ от линейного видения истории и пересмотр принципов детерминизма и телеологизма в истолковании человека, общества и культуры.

Ключевые слова и фразы: история; философия истории; конец истории; постистория; нарратив; метафизика; постмодернизм; историчность.

Дёмин Илья Вячеславович, к. филос. н.

Самарский государственный аэрокосмический университет

имени академика С. П. Королёва (Национальный исследовательский университет)

lyadem83@yandex.ru

ИДЕЯ «КОНЦА ИСТОРИИ» В ПОСТМЕТАФИЗИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ[©]

Современная философия истории позиционирует себя как «неклассическая» или «постметафизическая». Термины «постметафизическая философия» и «постметафизическое мышление», впервые введённые Ю. Хабермасом, в настоящее время уже прочно закрепились в дискурсе социально-гуманитарных наук. В русскоязычную философию и науку эти термины вошли после публикации коллективной монографии Е. Борисова, И. Инишева и В. Фурса «Практический поворот в постметафизической философии» [1]. К наиболее характерным особенностям постметафизического мышления следует отнести: лингвистический поворот, отказ от «логоцентризма», пересмотр традиционных представлений о соотношении теории и практики, «реабилитация» феномена повседневности и т.д. [3; 4].

В контексте современной философии истории выражение «постметафизическая философия» не столько указывает на какое-то особое «направление» в историософии, сколько фиксирует факт дистанцирования от базовых презумпций метафизического мышления и метафизического способа философствования, парадигмальным образцом которого следует считать гегелевскую философию истории. Речь идёт, прежде всего, о *дистанцировании* от «метанарративов» и идеи «макроистории», под которой понимается «всемирная история» или «всемирно-исторический процесс».

Среди наиболее значительных концепций постметафизической философии истории следует назвать: экзистенциальную аналитику историчности *Dasein* М. Хайдеггера, философскую герменевтику Г.-Г. Гадамера и П. Рикёра, аналитическую философию истории А. Данто, нарративную философию истории Х. Уайта и Ф.-Р. Анкерсмита, «генеалогию» М. Фуко и П. Вена. Однако подлинным родоначальником постметафизической философии истории является Ф. Ницше, который в эссе «О пользе и вреде истории для жизни» предвосхитил многие ключевые идеи неклассической философии истории XX в. Наиболее разработанной версией постметафизической историософии на сегодняшний день выступает нарративная философия истории.

Философский дискурс о «конце истории» интересен, прежде всего, тем, что в нём отчётливо проявляются наиболее фундаментальные, зачастую *неартикулированные* предпосылки как классической, так и неклассической философии истории. Идея «конца истории» может концептуализироваться в двух основных ракурсах: в *классическом* (традиционном или метафизическом) и в *неклассическом* (лингвистическом или «нарративном»).

Классическая философия истории имеет *телеологический* и даже *эсхатологический* характер и представляет собой повествование (*метаповествование*) о смысле и цели Истории и, следовательно, о её *конце*. В классической спекулятивной историософии «конец истории» означал *завершения события «всемирной истории»*. В любой версии классической философии истории (христианской, гегелевской, марксистской) прослеживается два уровня или измерения исторической событийности: эмпирический и «сущностный», онтологический. Эти уровни могут быть обозначены, соответственно, как «эмпирическая» и «онтологическая» история [5, с. 51-55]. В контексте классической историософии к своему *концу* и *логическому завершению* приводит не *эмпирическая* история как простая последовательность событий, в силу тех или иных обстоятельств маркируемых как «исторические», но история *онтологическая*, история «*сущностей*».

В последние десятилетия наиболее влиятельной версией классической метафизики истории стала концепция Ф. Фукуямы. «То, что по моему предположению подошло к концу, это не последовательность событий, даже событий серьезных и великих, а История с большой буквы – то есть история, понимаемая как единый, логически последовательный эволюционный процесс, рассматриваемый с учетом опыта всех времен и народов» [10, с. 8]. «Конец истории», по мысли Фукуямы, не означает, что «остановится естественный цикл рождения, жизни и смерти, что больше не будут происходить важные события или что не будут выходить сообщающие о них газеты» [Там же, с. 19]. Речь идёт о том, что, «более не будет прогресса в развитии принципов и институтов общественного устройства, поскольку все главные вопросы будут решены» [Там же].

Приведённые фрагменты не оставляют сомнений в том, что перед нами разновидность классической «спекулятивной» историософии, а не новый тип историософской рефлексии. «История» (с большой буквы)

понимается здесь в сугубо гегелевском смысле, как саморазвитие «идеи» или принципа (принципов). Тот факт, что Фукуяма несколько иначе, чем Гегель или Маркс, «описывает» уже свершившееся (или свершающееся на наших глазах) событие «конца истории», сути дела не меняет: модель «конца истории» Ф. Фукуямы, по своей сути, является *модифицированным гегельянством*.

Поскольку история здесь – это *история идей* или *принципов* (либеральных принципов «свободы» и «равенства»), то конец *истории* с необходимостью означает также и конец *философии* (западноевропейской метафизики). А поскольку метафизика неизбежно «отягощена» разного рода *мировоззренческими* и *идеологическими* коннотациями, то конец истории как *истории метафизики* оборачивается также и *концом идеологии*. Как отмечает Кл. Фридрих, «конец истории» Фукуяма «сводит к концу идеологий, прежде боровшихся за политическое и социальное господство» [9, с. 51]. Либерализм, «закономерно» одержавший верх, в ситуации «конца истории» становится чем-то большим, чем просто одной из идеологических доктрин. Либерализм становится своего рода «общим знаменателем» или даже *метаязыком* всех идейных течений современности [6, с. 22-27].

Обратимся теперь к трактовке «конца истории» в современной неклассической (постметафизической) философии истории.

Если для классической философии истории было характерно *линейное* (телеологическое и / или детерминистское) видение истории (исторического процесса), то постнеклассическая философия истории утверждает принципиально *нелинейный* характер исторической процессуальности. Если классическая историософия имела *субстантивный*, *субстанциалистский* характер, то есть претендовала на усмотрение и выявление в эмпирической совокупности исторических событий и фактов *над-* или *сверхисторических* сущностей, то нарративная историософия отказывается от метафизического понимания сущностей как *сверхисторических*, *внеязыковых* и *надкультурных*. В этом смысле постклассическая философия истории представляет собой *последовательную деконструкцию истории метафизики (или «онтологической истории»)*.

В современной русскоязычной философии проблематика «конца истории» в горизонте постметафизического (или «постмодернистского») мышления получила наиболее детальную проработку в работах Б. Г. Соколова. Следуя исходной презумпции нарративной философии истории, Б. Г. Соколов утверждает: «история, в каком бы виде она не была представлена, – универсальная история или микроистория и т.п. – это прежде всего рассказ, наррация о реальных событиях» [7, с. 116]. История всегда есть повествование, рассказ, *интерпретация* событий, следовательно, философия истории в постметафизическом контексте конституируется как *историческая нарратология*.

Исходным понятием в концепции Б. Г. Соколова выступает «культурно-исторический тип сознания»: «Культурно-исторический тип сознания, содержа в себе основные формы конституирования объектов <...>, формует индивидуальные формы видения, индивидуальные ценностные установки, короче, всю индивидуальную ментальную оптику, т.е. возможный горизонт помысленного, прочувствованного, понятого и сделанного» [8, с. 79]. При переходе от новоевропейской культуры («модерна») к «постмодерну» происходит *изменение* культурно-исторического типа сознания со всеми вытекающими отсюда последствиями. Одним из значимых показателей этого изменения выступает отказ от метафизической идеи «универсальной» истории (то есть «конца истории»).

Б. Г. Соколов различает две модели или «матрицы» исторического повествования: *микроисторию* и *макроисторию* (универсальную историю). «Микроистория» и «макроистория» представляют собой различные способы или формы функционирования исторической размерности человеческого сознания. При этом *исходной* и базовой является «микроистория», она представляет собой своего рода «инвариант», «вечный» способ конституирования исторической процессуальности. Микроистория – это история, «которая использует как свою матрицу обычное повествование, когда очевидец, рассказчик, действующее лицо, короче, индивид, является центром этой истории» [Там же].

Второй тип исторического описания и исторического сознания — это макроистория или универсальная история. В отличие от микроистории этот тип исторического повествования «более или менее жестко пространственно и временно ограничен. Он принадлежит тому культурно-историческому типу сознания, и, соответственно, культурному пространству, которые сформировались (как предпосылки) во времена возникновения христианства» [Там же].

«История» (как «универсальная история») в концепции Соколова выступает в качестве «размерности» (или «измерения») определённого культурно-исторического типа сознания, а именно европейского, христианского и особенно *новоевропейского*. Универсальная (или *онтологическая*) история, история как *история метафизики* есть лишь «определённая перспектива», «взгляд», «свойственный человеческому сознанию в определённый, опять же, — исторический» момент» [Там же, с. 81].

Согласно Соколову, «конец истории» или «смерть истории» (то есть *переход к «постистории»*) представляет собой не что иное, как *трансформацию культурно-исторического типа сознания*, переход к новому типу сознания и иному типу культуры. В новом («постмодернистском», «шизоидном») типе сознания уже нет места метафизическим метанарративам и, следовательно, «универсальной истории»: «Оно уже не способно центрировать исторический процесс на определенном топосе (Боге или трансцендентальном означаемом), а потому переходит в режим шизоидного конституирования, когда единый исторический процесс оказывается бессмысленным, замещаясь на более мелкие, но уже несоединимые воедино смысловые блоки. Исчезает общий горизонт конституирования исторического процесса» [Там же]. Происходит процесс, *обратный* процессу *универсализации* истории в христианской и новоевропейской культурных традициях. «Конец истории» в этом смысле – это её *деуниверсализация*. «Конец истории» есть *инверсия*, «расщепление» универсальной истории и самого конституирующего её культурно-исторического типа сознания. Новый тип сознания и культуры отказывается «универсальной истории» в её универсалистских притязаниях. Отказ от идеи «универсальной истории» знаменует собой также и отказ от принципа единства человеческой культуры.

Таким образом, «конец истории» в горизонте нарративной историософии есть не что иное как конец классического *историзма*, конец универсально-исторической размерности сознания и коррелятивных этой размерности дискурсивных практик исторического описания и осмысления.

Нарративная философия истории, подвергая деконструкции «онтологическую историю» классической метафизики и справедливо указывая на несостоятельность универсалистских притязаний спекулятивной и субстантивной историософии (критика «европоцентризма», рационализма или «логоцентризма», сциентизма и т.д.), в свою очередь, сталкивается с опасностью *релятивизации прошлого*. Если история понимается как *всего лишь* «взгляд на прошлое», как размерность и конфигурация *определённого* историко-культурного типа сознания, не утрачиваем ли мы в этом случае вообще какую-либо аутентичную *соотнесённость с прошлым* и даже самую *возможность* таковой? И разве само «культурно-историческое сознание», которое, согласно Соколову, *порождает* «универсальную историю» как одну из своих возможных размерностей, уже не содержит в себе отсылку к *идее истории*, к неотрефлексированному дотеоретическому пониманию «истории» и «историчности»?

Главную проблему, с которой сталкивается приведённая трактовка «истории» и «конца истории», можно сформулировать следующим образом: как можно зафиксировать и концептуализировать *смену* или *трансформацию* культурно-исторического типа сознания и соответствующей ему культурной традиции, если культурно-историческое сознание – это и есть то, что определяет и структурирует всю «индивидуальную ментальную оптику», т.е. сам *горизонт* нашего мышления, понимания и действия? Как можно зафиксировать «изменение» и «трансформацию» культурно-исторического типа сознания, если сами понятия «изменение» и «трансформация» обретают какой-либо смысл лишь в контексте *определённого типа культурно-исторического сознания*, в контексте определённой культурно-исторической традиции?

С указанной проблемой связан один из главных парадоксов постмодернистской философской рефлексии, на который обращает внимание Б. Гройс: «Хотя дискурс о «квце истории» используется обычно в качестве объяснения того, почему в наше –ност-историческое», или, как еще говорят, –пстмодерное», время нет и не может быть больше ничего исторически нового, то есть почему искусство и культура нашего времени могут только цитировать и комбинировать фрагменты культурного наследия, полученного от исторического прошлого, – сам этот дискурс о невозможности исторически нового выступает в то же время в качестве нового исторического откровения» [2, с. 148]. Постулирую «конец истории», философский постмодернизм не может ни окончательно избавиться от своих *исторических «корней»*, от своей собственной «историчности» (то есть своей «укоренённости» в новоевропейской философской традиции), ни сохранить и удержать её (последнее идёт вразрез с программными установками постмодернизма).

В контексте классической метафизики «конец истории» означал завершение события «всемирной истории», в современном же (или постметафизическом) контексте «конец истории» означает отказ от самой *идеи* «всемирной истории» как таковой, отказ от линейного видения истории и пересмотр принципов детерминизма и телеологизма в истолковании человека, общества и культуры. Но, преодолевая классическую спекулятивную историософию и соблазн «абсолютного» (то есть *сверхисторического*) знания, нарративная философия истории сталкивается с опасностью *релятивизации* прошлого, а точнее – его полной утраты.

Список литературы

1. **Борисов Е., Инишев И., Фурс В.** Практический поворот в постметафизической философии. Вильнюс: ЕГУ, 2008. Т. 1. 212 с.
2. **Гройс Б.** Философ после конца истории // Ускользящий контекст. Русская философия в постсоветских условиях: мат-лы конф. (Бремен, 25-27 июня 1998 г.). М.: *Ad Marginem*, 2002. С. 147-160.
3. **Дёмин И. В.** Проблема истинности исторического знания в нарративной философии истории // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. 2008. № 1. С. 3-10.
4. **Дёмин И. В.** Философия истории как философия языка: осмысление истории в горизонте герменевтической и аналитической традиций // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2013. № 6 (26). С. 158-163.
5. **Дугин А. Г.** Мартин Хайдеггер: философия другого Начала. М.: Академический Проект; Фонд «Мир», 2010. 389 с.
6. **Дугин А. Г.** Философия традиционализма. М.: Арктогея-Центр, 2002. 624 с.
7. **Соколов Б. Г.** Генезис истории. СПб.: Алетея, 2003. 372 с.
8. **Соколов Б. Г.** Онтология музея и культурного наследия. СПб.: СПбГУ; ВВМ, 2010. Ч. 1. 126 с.
9. **Фридрих Кл.** О функциях одной мыслительной фигуры // Вопросы философии. 1994. № 7-8. С. 50-58.
10. **Фукуяма Ф.** Конец истории и последний человек / пер. с англ. М. Б. Левина. М.: АСТ; АСТ МОСКВА; Полиграфиздат. 2010. 588 с.

IDEA OF “END OF HISTORY” IN POSTMETAPHYSICAL CONTEXT

Demin Il'ya Vyacheslavovich, Ph. D. in Philosophy
Samara State Aerospace University
Ilyadem83@yandex.ru

The main philosophical meanings of “the end of history” idea in the classical and non-classical (postmetaphysical) philosophy of history are revealed and analyzed in the article. “The end of history” means the end point of “the world history” event in the context of classical metaphysics, but it means the denial of the linear vision of history and the revision of the principles of determinism and teleologism in the interpretation of the human being, society and culture in non-classical historiography.

Key words and phrases: history; philosophy of history; end of history; posthistory; narrative; metaphysics; post-modernism; historicity.